

Пролог

С самого утра небо было затянуто тучами и шёл мелкий холодный дождь. Осенью такой может лить неделями, не прерываясь ни на секунду. Казалось, небеса тоже оплакивали Юлю, которой не повезло лишь в одном, она связалась не с тем человеком. Я сидел в комнате девушки, держа в руках её фотографию, и мысленно просил у неё прощения. Себе я не врал, честно признавая, что она погибла из-за меня. Прямо или косвенно, но я был в этом виновен. Хотя бы в том, что не относился серьёзно к своему новому статусу, считая, что меня не коснутся интриги и заговоры. Дескать, я вне политики, зачем меня трогать. Но теперь стало ясно, что я могу думать что угодно, но меня уже включили в свои планы все, кто эту самую политику и определял.

Да, в какой-то мере меня оправдывало то, что за безопасность учеников отвечал колледж, а охраной особо важных персон занималась служба имперской безопасности, но всё это были лишь слова. Даже то, что Ромушев, скорее всего, являлся лишь пешкой маркиза и к идее напасть на девочек его тщательно подвели, было мелочью. Главным стало то, что, получив пару плюшек в виде титулов и девочек, я расслабился и посчитал себя неуязвимым. Не стал раз-

бираться с тем, кто именно подвёл ко мне Варяга, оставил без внимания прошлое семьи и в итоге получил по полной.

А ведь ещё где-то прятались хозяева лысых клонов, на которых я тоже забил болт. Не думаю, что они обо мне забыли, ведь, если случай на полигоне ещё можно списать на совпадение, то нападение на парк Микки Мауса в Либерократии однозначно было нацелено на меня. И неважно, я им был нужен или девочки, это роли не играло абсолютно никакой. Вон Нину пытались убить на стадионе, и исполнитель до сих пор не найден. Род Ефимовых как кость в горле у этих самых неведомых злодеев, и я должен был это учитывать, но нет. Отпустил ситуацию на самотёк и получил труп Юли.

— Как ты, сынок? — мама неслышно вошла в комнату и села рядом, обнимая меня за плечи. — Держись. Это тяжело, но сделать ничего нельзя. Со временем станет легче. Главное, не вини себя. Ты ничего не мог сделать...

— Мог! — резко оборвал я мать, но потом взял себя в руки и продолжил чуть спокойней: — Мог. Если бы...

— Даже если бы ты неотрывно был рядом с Юлей, скорее всего, пострадали бы другие, — жёстко ответила она. — Такова цена публичности. Всегда есть возможность, что кто-то готовит на тебя покушение, оставаясь в тени. И никакая контрразведка и охрана не помогут, если всё правильно организовать.

— То есть ты предлагаешь сделать вид, что ничего не случилось?! — психанул я. — Прости, но...

— Я предлагаю тебе наконец повзрослеть! — рывкнула мама, хлопнув ладонью по чайному столику. —

Взять себя в руки и отомстить убийцам Юли. И сделать так, чтобы на нашу семью даже дышать боялись. Но ничего из этого не выйдет, если ты будешь сопли распускать и винить себя во всём, начиная с грехопадения Евы!

— Да я как бы и не собирался, — я аж осел от такого натиска, — прекрасно понимаю, что избежать нападения было невозможно, хотя бы потому, что мы ничего не знали о маркизе. Но всё равно я мог бы приставить к девочкам охрану.

— Осознавать свои ошибки — это хорошо. Это взросление, сынок, — мама погладила меня по голове, полностью противореча своим словам. — Жаль, что это происходит таким образом. Терять близкого человека всегда тяжело. Но ты должен быть сильным, хотя бы ради остальных девочек. Не думаю, что Юле понравилось бы, если бы ты опустил руки.

— Наверно, ты права, — я грустно улыбнулся, разглядывая фотографию, — а может быть, и нет. Я сейчас понимаю, что практически не знал её, хоть мы спали вместе и жили под одной крышей. Несмотря на внешность, Юля была очень тихой и скромной. Я думаю, это влияние Федосеевой. Катерина любит быть в центре внимания и не потерпела бы конкуренции, тем более от простолюдинки, взятой на воспитание. Сижу вот и думаю, а была ли она счастлива? Ведь я был причиной разрыва её отношений не только с подругой, но и с деми-опекуном. И что я дал ей взамен?

— Ты был рядом, дурачок, — снова обняла меня мама. — Иногда девушке большего и не надо. Юля любила тебя, и ей этого было достаточно. Я точно знаю, уж поверь. Может быть, в дальнейшем что-то

и изменилось бы, всё-таки женщины такие собственницы, а ты нахапал себе полный дом красавиц и отпускать их не собираешься, но пока её всё устраивало.

— Хочешь сказать, ей повезло умереть до того, как она разочаровалась во мне? — я зло усмехнулся и тут же получил подзатыльник.

— Ерунды не говори! — мама серьёзно рассердилась. — Чего несёшь? Я понимаю, тебе больно, но срываться на близких — последнее дело!

— Прости, — покаянно склонил голову я. — Прости, пожалуйста. Меня убивает эта беспомощность. Толку от этих титулов и силы, если не можешь спасти человека. Может, будь я обычным, с Юлей этого бы и не случилось.

— Или она погибла бы гораздо раньше, — не приняла моего самоуничижения мама. — Вспомни, как вы познакомились? Думаешь, те лысые уроды дорогу в библиотеку спросить хотели? Дашь гарантию, что они не сотворили бы с ней чего похуже, чем этот маркиз?

— Получается, что я спас Юлю, но умерла она тоже из-за меня, — я погладил фотографию. — Чуть больше года жизни — это всё, что я смог ей дать.

— Но это время она была счастлива, — грустно улыбнулась мама, тайком утирая слезу. — Ладно. Хватит сидеть и изводить себя. Соберись! Всё готово, пора выдвигаться на кладбище. Не представляю, как ты договорился отпеть пустой гроб, да ещё чтобы патриарх всероссийский заупокойный молебен объявил в честь невинно убиенной рабы божьей Юлии. Ты понимаешь, что этим церковь признаёт её твоей законной женой?

— Куда бы они делись, — усмехнулся я, тайком потирая всё ещё побаливающий локоть, — они мне должны, как земля колхозу, так что это меньшее, что могут сделать. Я тебе больше скажу, скоро вступит в силу изменение брачного кодекса о многожёнстве, и церковь всецело его одобрит. Как и многое другое.

— Это политика, сынок, так что может случиться всякое, — вздохнула мама. — Ладно, пошли, а то уже неудобно перед мамой Юли. Да и Федосеевы приехали.

Я выдохнул, ещё раз взглянул на фото и, поставив его на тумбочку, поднялся. Да, откладывать встречу больше было нельзя. Мать Юли — моя, получается, тёща — приехала ещё пару часов назад, но впервые я струсил. Не смог вот так с ходу посмотреть ей в глаза и сказать, что не уберёт дочь. С Федосеевыми было проще. Катя уже давно с нами не общалась, а самому графу я не считал себя чем-то обязанным. Сейчас, поднабравшись опыта, я прекрасно понимал, что за спасение дочери он со мной ничем не рассчитался, а наоборот, использовал в своих интересах. И пусть в итоге всё обернулось к моей выгоде, сам Александр Павлович к этому отношения не имел.

В зале, где проходило прощание с Юлей, находилось всего несколько человек. Мы не стали устраивать публичные похороны, я считал, что это как минимум пошло — использовать смерть близкого человека для организации публичного мероприятия. Не сомневаюсь, что туда явилась бы если не вся аристократия бывшей столицы, то половина с гарантией, однако никто из них не был лично знаком с Юлей. Те же, кто знал её как секретаря цесаревны Нины, понятия не имел, что за человек она была,

а глядеть на череду скорбных рож, скрывающих скуку, а то и презрение, и выслушивать бесконечные фальшивые слова сочувствия, написанные словно под копирку, сил у меня не было. Я бы уже через полчаса взорвался и разогнал этот шалман к такой-то матери.

Так что сегодня собрались самые близкие. Из Новосибирска приехал Федосеев с родной мамой Юли, пришла Анька, успевшая подружиться со всеми моими девочками, а ещё Марина. На молодую учёную и преподавателя смерть подруги детства произвела самое сильное впечатление. Витая в своих формулах, она и не задумывалась, что всё может так закончиться, поэтому сейчас выглядела испуганной и потерянной, не понимая, что произошло. Последним из присутствующих был Фридрих, по случаю траура отказавшийся от своего шутовского наряда. В строгом чёрном костюме и с лысой головой он выглядел весьма солидно, но держался скромно, приулившись возле стены и не мешая.

— Кузя, как же так, — на моё появление первой отреагировала Марина, шагнувшая ко мне со слезами в глазах и недоумением в дрожащем голосе. — Юля... как же так... за что?

— Прости, — я обнял девушку, на секунду прижав её к груди, — это сложно объяснить. Давай потом поговорим.

— Хорошо, — кивнула Марина, вытирая глаза платком, и тихонько отошла в сторону.

Остальные поняли, что пока не время, и не стали подходить, а сам я направился к женщине, сидящей возле закрытого гроба. Тело Юли найти не удалось, оно и понятно — после моего удара, поэтому

туда мы сложили некоторые личные вещи, любимые игрушки и то, что ей было дорого. Пусть церковь этого не приветствовала, я чувствовал, что так будет правильно. Подойдя к матери девушки, я опустился перед ней на колени.

— Я... — горло перехватил спазм, и пришлось сглотнуть, чтобы продолжить говорить. — Я виноват. Не уберёг, не защитил Юлю. Если бы...

— Ну что ты, сынок, что ты, — запричитала заплаканная женщина. — Не говори так. Это не твоя вина. И дочка так бы сказала. Она любила тебя, каждый раз, когда звонила, только о тебе и говорила. А когда пропал, места себе найти не могла, волновалась.

— Я знаю, — в груди кольнуло, — мне Юля тоже была дорога. И я обещаю, что отомщу за её смерть.

— Ох, сынок, — заплакала... получается, что тёща, — боюсь я за тебя. Может, не надо? Есть же компетентные органы, пусть ищут.

— Надо! — жестко отрезал я. — Не только ради Юли, но чтобы никто другой больше не пострадал. Твари, которые её убили, не успокоятся сами.

— Тогда благослови тебя Христос, — женщина меня перекрестила. — Иди с богом. Отомсти за мою дочку.

Я кивнул и поднялся. Мне стало немного легче, когда мать Юли не начала обвинять меня в её смерти. Правильно говорят, наказание вдвойне тяжелей, если знаешь, что виновен, а я облажался перед ней по полной программе. Впрочем, верно и то, что нельзя жить с грузом вины на душе. Так и двинуться можно. И теперь я был готов принять гибель девушки и двигаться дальше. Не забывая, но и не заклинаясь на идее найти и отомстить маркизу за всё.

И за мою женщину, и за Олега, который дошёл до края не без его помощи. Да и не факт, что нападение было инициативой Ромушева.

— Кузьма, надо ехать, — сзади тихо подошла мама и тронула меня за плечо. — Машины готовы.

— Хорошо, — я кивнул и пошёл к выходу. — Отправляемся.

Отпевание в Успенской церкви Новодевичьего монастыря проводил лично патриарх. И, несмотря на его традиционно величественный вид, я заметил, что выглядит владыка заметно уставшим. Видать, разговор с императором дался ему очень нелегко и затянулся надолго. Можно было бы позлорадствовать после такой-то подставы, но я не стал. Бой оказался непрост, но теперь я знал свои слабости, а значит, в будущем смогу их компенсировать. Да и опыт противостояния таким противникам многое значит.

Однако сейчас это всё казалось мелочами, не стоящими внимания, по сравнению с брэнностью бытия и мимолётностью жизни. Звучащие под величественными сводами псалмы и молитвы не потянули меня на философию, но именно здесь и сейчас я смирился с потерей. Сделанного не вернуть, умерших не воскресить, а живые должны жить дальше. И память об ушедших — это не камень на шее, тянущий на дно, а парус, позволяющий идти дальше.

Я и так слишком долго рефлексировал и корил себя. Настала пора взять себя в кулак и показать всем, что мою семью нельзя трогать безнаказанно. И начну я с этого урода, маркиза. Вампир он или ещё какая хрень, мне всё равно. Даже если окажется, что он мне не врал и действительно является моим дедом и биологическим отцом мамы, его это не спасёт. Для

меня семьёй были не те, в ком текла такая же кровь, а тот, кто был мне дорог. Мама, сестры и братья, мои девочки, даже старый хрыч с батей, пусть на них я до сих пор злился. Однако за любого я был готов убить и умереть. Так что Ван де Мер просчитался дважды. Когда тронул Юлю и когда решил, что может мной манипулировать, опираясь на наше родство.

Тем временем богослужение дошло до момента прощания с усопшим. Так как гроб был пустым, целовать подходили икону святой покровительницы Иулии Корсиканской в руках патриарха. Я был одним из первых и наконец сумел вырваться из круговорота мыслей. То, что удалось примириться с потерей и собой, было неплохо, но и терять связь с реальностью не стоило. Пусть народу на похоронах было немного, и моё отрешённое состояние никого не удивляло, но если уж решил стать хозяином своей жизни, начинать нужно было прямо здесь и сейчас.

Наконец под пение «Святой Боже...» священнослужители вынесли гроб из церкви и направились напрямиком на кладбище. Организацией похорон занималась мама, но выбить место на Новодевичьем оказалось даже ей не под силу. И лишь вчера после нашей поездки в резиденцию патриарха вопрос решился сам собой. Я-то понимал, что это император извинялся за то, что потащил меня с собой, но решил в позу не вставать. На мой взгляд, Юля была достойна быть захороненной здесь, что бы ни говорили завистники и злопыхатели.

Впрочем, к особой помпезности мы тоже не стремились. Сегодня присутствовали лишь свои, родственники или знакомые Юли. Даже императора я лично попросил не приезжать, хоть он и намекал

на такую возможность. Но внял и ограничился тем, что прислал личного секретаря, что тоже было весьма показательно. Кто в теме, тот поймёт, остальным и не надо. Конечно, всегда найдутся идиоты, решившие, что, если государь не явился сам, значит, Ефимовы попали в опалу, и можно попытаться урвать себе кусок, но тех не жалко. Дураки и должны страдать, а любое поползновение в адрес своего рода я буду пресекать с максимальной жестокостью. Чтобы другим неповадно было.

Место для захоронения располагалось на третьем участке, недалеко от могилы Сергея Сергеевича Прокофьева и пары генералов времён Первой магической. Хорошее соседство для Юли, на мой взгляд. Да и само Новодевичье кладбище мне нравилось, пусть это и звучало как плохой анекдот. Но если уж и лежать в земле, то в таком месте, тихом, чинном, в окружении великих людей, и желательно через лет сто — сто пятьдесят. Больше, думаю, не стоит, мало ли что там может случиться со здоровьем. Старческой деменции подвержены и маги, и воины, пусть в гораздо меньшей степени, чем неодарённые.

Это, как и продолжительность жизни, кстати, являлось одним из самых сильных стимулов для многих начать заниматься и открыть первую чакру. Недаром почти во всех физкультурных колледжах и институтах, связанных со здоровьем и спортом, появились факультеты подготовки тренеров именно этого направления. Причём программа подготовки зачастую и вовсе не была связана с боевыми искусствами. Но, к сожалению, стать бессмертными или хотя бы достичь уровня той же Ву Ши земным одарённым пока ещё было не дано, как и воскрешать

умерших. И хоть о последнем я сейчас очень жалел, но даже если бы такая возможность была, вряд ли я бы ей воспользовался, а то мало ли кто вернётся с той стороны. Заигрывать с силами смерти себе дороже.

Поэтому, хоть мне было безумно тяжело видеть, как гроб опускается в могилу, я не давал клятв сделать всё возможное и невозможное, но вернуть Юлю. Уверен, у Иви мог бы найтись способ, а если нет, то были ещё варианты, начиная с церкви, заканчивая учёными. Клонирования никто не отменял, а если судить по лысым уродам, при нападении которых мы и познакомились, кто-то весьма далеко продвинулся в их развитии. Но я уже принял решение заботиться о живых, сделать всё, чтобы жертва девушки не была напрасной.

— Спи спокойно, милая, — я первым кинул горсть земли и замер на секунду, не зная, что ещё сказать. — Мы всегда будем помнить тебя, и кто знает, может быть, встретимся в следующей жизни. Хотя нет, обязательно встретимся. Я найду каждую из вас, неважно, сколько времени мне на это потребуется. Главное, дождись меня, девочка.

Патриарх угрюмо покосился на меня, явно недвольный ересью, но промолчал. И правильно. К теологическому спору я был не готов, а вот в морду зарядить мог, и никакой эгрегор не поможет. Так что владыка предпочёл затянуть очередной псалом, или как там они называются, а к могиле потянулись остальные, бросая горсть земли на крышку гроба и говоря последние слова. Даже Ву Шу отметилась, правда, не без подсказок со стороны Воронина. Сам факт уважения со стороны лаоши был для